

«Нет никакой возможности узнать, чего желает Россия»: славянофильская печать и Сербия в 1880-е годы

Александр Котов*

Аннотация. Статья посвящена отражению русско-сербских отношений конца XIX в. в периодической печати, а также переписке русских и сербских общественных деятелей того времени.

Ключевые слова. Сербия, Балканы, Кулаковский, Аксаков, Гиляров-Платонов, Киреев, Леонтьев, Никола Пашич, славянофильство, консерватизм.

В становлении русско-сербских отношений большую роль сыграла русская печать. Как известно, в лишенной народного представительства пореформенной России журналистика была не только ареной общественной дискуссии, но и средством консолидации различных общественно-политических сил, а иногда — и давления общества на власть. В 1904 г. С.Ф. Шарапов вспоминал, что «в эпоху 1876–1878 гг. сербское движение и Восточную войну создала почти исключительно печать»¹. Печать — и не только славянофильская — разожгла тот «славянский пожар в Москве и Петербурге» (Мещерский, 2003: 444), который вынудил не желавшее войны правительство начать вооруженную борьбу с Турцией в 1877 г.

Не случайно сами русские журналисты, порой при этом несколько преувеличивая значение своего печатного слова, отмечали повышенное внимание балканских славян к русской прессе: «Славяне вне России очень высоко ценят и зорко следят за тем, что о них пишут русские» (К вопросу о... 1885: 17). «Здесь, — сообщал в 1881 г. из Белграда П.А. Кулаковский И.С. Аксакову, — чрезвычайно дорожат мнением русских газет»². Год спустя, когда окончательно определился проавстрийский курс напредняцкого правительства Сербии, филолог добавлял: «Западническое правительство видит, конечно, в Вас своего опасного врага. „Русь“ получается здесь в трех, четырех местах и читается всласть»³. Кулаковский же наиболее ёмко сформулировал и credo русской журналистики в сербском вопросе: «Я бы желал видеть в „Руси“ статью, громящую Сербию, сербское правительство и прежнее, и теперешнее, но так, чтобы виден был сербский исход в полной преданности нашей политике, какова бы она ни была»⁴.

Обсуждение происходивших в Сербии событий шло на страницах всех отечественных периодических изданий — от «Вестника Народной воли» до «Гражданина»,

* Котов Александр Эдуардович — кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. E-mail: akotov@inbox.ru

© Котов А.Э., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

1. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. 4682. Л. 78.

2. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Ед. 44. Л. 12.

3. Там же. Л. 250б.

4. Там же. Л. 3.

однако по понятным причинам наибольшее внимание уделяли этой теме славянофилы. Обширная переписка Кулаковского — которая, по свидетельству И.С. Аксакова, была ярче и содержательнее его статей⁵ — наряду с периодической печатью того времени является ценным источником по истории русско-сербских отношений⁶. Не меньший интерес представляют сохранившиеся в отечественных архивах письма сербских общественных деятелей — прежде всего сербского митрополита Михаила (Йовановича)⁷.

Взаимоотношения России и Сербии последней четверти XIX в. всегда были предметом пристального внимания исторической науки обеих стран. Здесь не место подробному историографическому очерку, укажем лишь на наиболее полные обзоры мнений русской печати о русско-сербских отношениях, представленные в монографиях С.И. Данченко (Данченко, 1989) и В.М. Хевролиной (Хевронина, 1999). В отечественной историографии последних лет в целом всё больше торжествует установка на «буржуазный объективизм». В качестве примера подобного объективизма можно привести статью А.Л. Шемякина о М.Г. Черняеве, в которой показан неоднозначный характер деятельности «архистратига славянской рати» (Шемякин, 2006). Еще одна характерная тенденция последних лет — «реабилитация» в российской и сербской югославистике Австро-Венгрии, которая в популярной литературе всё чаще рассматривается как «предтеча Европейского союза» и «лучший прообраз наднационального единства в Европе» (Шарый, Шимов, 2011: 8). Соответственно, «современные исследователи уже не столь категоричны в оценке австро-венгерского влияния на сербскую историю 1880-х гг.» (Пархоменко, 2008: 7).

Постоянным мотивом русской печати с конца 1870-х гг. был неоднозначный характер русско-сербских отношений. Разочарование в них носило обоюдный характер. Сербские обиды на Россию были вызваны как эксцессами добровольческого движения 1876 г., так и «предательством» России на Берлинском конгрессе. Даже лояльный к России митрополит Михаил жаловался И.С. Аксакову, что «нас отдали в Берлине Австрии на съедение»⁸. О том же, по свидетельству П.А. Кулаковского, публично заявляли руководители напредняцкой партии, оправдывая свою проавстрийскую ориентацию⁹.

Со своей стороны, и русские авторы признавали всю противоречивость добровольчества. Кн. В.П. Мещерский вспоминал: «добровольцы рисовались... во всю ширь русской натуры в своей самодовольной роли освободителей и спасителей и вели себя, надо было отдать справедливость, с непристойностью, не знавшею удержу...» (Мещерский, 2003: 451). Особенно часты негативные отзывы современников о командовавшем русско-сербскими войсками генерале М.Г. Черняеве. Если Мещерский говорит о нем как о романтике-идеалисте, то, по мнению К.Ф. Головина, Черняев «немного смахивал на средневекового кондотьера» (Головнин, б/д: 301). Наконец, в октябре 1881 г. А.А. Киреев записывает в дневнике: «Черняев вел себя в Сербии непо-

5. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 60. Л. 8.

6. Например, см.: Лаптева, 1998: 111–126.

7. Подробнее о митрополите Михаиле см.: Шемякин, 1997, 2002.

8. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 219. Л. 4.

9. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 80б.

зволительно не только относительно министров, которые вообще довольно дрянной народ (под цвет нашей „интеллигенции“), но и с самим князем; притом ведь Черняев приехал добывать себе концессию»¹⁰.

К началу 1880-х гг. русское общество всё больше проникалось разочарованием в «славянском деле». Уже в 1880 г. И.С. Аксаков с сожалением констатировал, что «на сербов теперь у общества не вытянешь и гроша»¹¹. Хорошо зная русскую склонность к самобичеванию, славянофилы опасались, что и в сербском вопросе она выйдет за грань разумного. П.А. Кулаковский отмечал: «Боюсь я того, чтобы в России не попрекнули всех, кто содействовал движению 1876 г., в том, что они ошибались. Пожалуй, петерб.<ургская> печать назовет это — *обманом*. И этого дождешься, при нашем диком либерализме!»¹²

Впрочем, нередко подобная критика своих соотечественников была связана с противоречиями между самими русскими деятелями в Сербии. Так, П.А. Кулаковский в своих письмах к И.С. Аксакову неоднократно упоминает о «сербских и русских жуликах» в окружении Черняева¹³, в частности, причисляя к таковым журналиста Н.В. Зюсмана — «положительно шпиона или нечто вроде этого»¹⁴. Кулаковский воспринимал последнего как досадную помеху, компрометировавшую его собственную деятельность: «Зюссман уверяет индифферентное <нрзб> сербов, будто я хочу обрушить Сербию, а он спасает ее от моих лап, которые подсланы (так в оригинале. — А.К.) русофилами для гибели сербского народа»¹⁵. «Митрополит сказал прямо: «Зюссман страшно нахален, надоел всем нам, но избавиться от него не можем. Он нам часто читает письма от высоких лиц из Петербурга и Москвы». Кроме того, Зюссман стал собирать между сербами деньги на построение церкви в Белграде в память избавления Государя от опасности, не имея на то никакого разрешения. А так как многие сербы ему не доверяют, то необходимых денег собрать он не может, а только нанесет неприятность русскому имени. Словом, здесь этот человек производит только смуту»¹⁶.

Возможно, в данном случае играли свою роль и определенные идейные разногласия: Н.В. Зюсман был сотрудником газеты «Восток» — в которой, в частности, обличал российское «славянобесие» К.Н. Леонтьев. П.А. Кулаковский сообщал Аксакову, что сербы «не раз мне жаловались на ложь статей „Востока“, и в них действительно много нахальной, беззастенчивой лжи»¹⁷. Издававшаяся Н.Н. Дурново газета выступала против «нового начала национальности» с консервативно-православных позиций — не случайно И.С. Аксаков в 1881 г. утверждал, что «возмущен „Востоком“ до глубины души. <...> Если бы Англии понадобилось самое действенное средство для того, чтобы раздуть вражду между славянскими племенами, — никто лучше Дурново не послужил бы такой цели...» (Аксаков, 1896: 283). О самом Зюсмане Иван

10. ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 16.

11. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 60. Л. 506.

12. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 4.

13. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 1.

14. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 2.

15. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 4.

16. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 506.

17. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 12.

Сергеевич также отзывался крайне нелицеприятно¹⁸, что, однако, не мешало ему сотрудничать с этим журналистом позднее. В 1885 г. мы видим Зюсмана уже в Софии, откуда он шлет И.С. Аксакову свои корреспонденции и предупреждает, что вскоре «мы получим в Болгарию вторую Сербию»¹⁹.

Но главной проблемой отечественные публицисты считали не столько авантюризм отдельных деятелей, сколько плохое знание соотечественниками Балкан и непоследовательность русской внешней политики. Так, еще в своих заметках о греко-болгарском расколе Т.И. Филиппов отмечает: «Агенты нашего правительства мало самостоятельны, ибо мало сведущи — знающий греческий язык чиновник есть редкость»²⁰. Слабое знакомство русского общества с Балканами отмечается и другими авторами. Живший в Белграде П.А. Кулаковский считал, что «лгали» практически все писавшие о Сербии русские публицисты, и лишь «один писал правду и серьезно — Ровинский... Замечательный знаток»²¹. Не случайно сербский митрополит Михаил, отвечая на наставления русских публицистов, указывал, что «им для сего нужно вполне и точно знать все здешние обстоятельства и проделки... а без того часто бывают и такие советы, которые невыполнимы»²².

В 1880 г. Кулаковский сообщал Аксакову: «Влияние Австрии здесь после Берлинского конгресса только усиливается... Наша петерб.<ургская> политика не только закрывает глаза на всё, что здесь происходит, но и удерживает деятельность здешних наших дипломатов»²³. С похвалой отзываясь об А.И. Персиани и его деятельности в Белграде, Платон Андреевич оговаривал при этом, что «указания из Петербурга почти всегда неясны, несистематичны, полны противоречий... Положение здешнего представителя России — по моему — самое боевое, в виду занятия Боснии и Герцеговины Австрией, в виду нашего сонливого состояния в верхних слоях дипломатического сословия и старческого одряхления канцлера»²⁴. Однако и годы спустя ситуация не слишком изменилась. В 1890 г. А.А. Киреев пишет С.А. Петровскому (преемнику М.Н. Каткова на посту редактора «Московских ведомостей»): «В только что полученном мною письме из Белграда, между прочим, выражается сожаление о том, что сторонники России (пока еще есть такие) очень жалуются на то, что им нет никакой возможности узнать, чего желает Россия, в чем состоит ее политика»²⁵.

Таким образом, Н.Н. Дурново выразил общее мнение, написав, что «недоверие к России, которое в последнее время проникло в среду балканских народов, посеяно не одними нашими западными недоброжелателями, но и нами самими» (НД, 1890: 3). Всерьез обеспокоенные бессистемностью русской политики славянофилы видели её причину в том, что «в верхах» «сильной воли нет, ясной воли <...> т.е. осмыслен-

18. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 60. Л. 9.

19. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 143. Л. 2.

20. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. 108. Л. 1.

21. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 40б.

22. ОР РНБ. Ф. 452. Ед. 299. Л. 10б.

23. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 19.

24. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 10–100б.

25. ОР РГБ. Ф. 224. К. 1. Л. 360б.

ной ясным пониманием дела»²⁶. Аксаковская «Русь» обращала внимание читателей на то, что «наша дипломатия не с неба нам дана и не порождение каких-либо подземных сил, — а кость от костей наших, порождение общества, преимущественно петербургского и преимущественно той высшей, вдобавок еще властной среды, которой гг. дипломаты составляют одно из главных украшений и из которой словно воздушным насосом выкачана всякая серьезная мысль и, разумеется, всякое живое русское чувство». «Беспочвенность» отечественной дипломатии проявилась, по мнению И.С. Аксакова, во время сербо-болгарской войны 1885 г., в которой русское общественное мнение стало на сторону Болгарии. Если в Австрии при поражении Сербии «все государственные люди восторжествовали» и были готовы на всё, чтобы сохранить Сербию под австрийским влиянием, то «мы свой, кровный русско-болгарский вопрос понесли на европейский трибунал»²⁷.

Если М.Н. Катков считал западничество русского общества и петербургской бюрократии «польской интригой», то славянофилы видели здесь обычную отечественную инертность. Например, одной из важнейших проблем в русско-сербских отношениях было отсутствие постоянной связи между двумя странами. Серьезность этой проблемы подтверждал сербский митрополит Михаил в письме к Т.И. Филиппову: «Жалеем, что не имеем постоянной связи с Россией. И письма, и посылки, и путешественники и все должно пройти через вражеские руки нахальных соседей, явных врагов славянства»²⁸. Однако даже к 1883 г. не удалось организовать полноценного обмена периодической печатью. «Все славянские газеты... получают нашим почтамтом, ради удобства, через венский почтамт, благодаря чему мы и состоим под венской цензурой», — с грустью отмечал редактор «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета» (Известия... 1883: 19) в примечании к подготовленному П.А. Кулаковским обзору сербской журналистики. В этом же обзоре Кулаковский приводил еще один пример равнодушия русского общества: молчание почти всех русских редакторов в ответ на просьбу издателя «Српске Илустроване Новине» Стефана Поповича прислать старые клише «снимков и описаний русских местностей и русского быта... портретов русских выдающихся лиц и деятелей» (Известия... 1883: 19). Не удивительно, что при всех вышеизложенных обстоятельствах успехи русской политики воспринимались как своего рода случайности: так, в 1889 г. А.А. Киреев утверждал, что «в Сербии нам помог „русский Бог“»²⁹.

Однако имелись у панславистов претензии и к самим славянам. Недовольство русских сербами было связано в первую очередь с приходом к власти в Сербии проавстрийского «напредняцкого» кабинета³⁰. Это событие «наложилось» на осознание провала всей русской политики на Балканах: «Россия, жертвовавшая и кровью, и деньгами, оказалась совершенно вытесненной с Балканского полуострова, плодами же ее победы воспользовалась исключительно Австро-Венгрия» (Клоппенбург, 1894: 256). В 1880-е годы антиславянские выпады в русской печати становятся общим ме-

26. ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 125.

27. Русь. 1885. №21. 23 ноября.

28. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. 2199. Л. 13 об.

29. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 145. Л. 130б.

30. Подробнее об этом см.: Шемякин, 1998: 167–175.

стом. Биограф М.Н. Каткова замечает: «Вражда против Польши, шаткость нашего влияния в освобожденной русской кровью Болгарии рассеяли славянофильские иллюзии русского общества, видящего единение между славянскими племенами, только пока сходятся их публицисты и пока Россия нужна славянам» (Неведенский, 1888: 216). За конкретными претензиями следовали и более глубокие выводы — о принципиальном антагонизме России и южных славян.

Антиславянские настроения прежде всего были характерны для представителей сословного и церковного консерватизма. Скептическое отношение к славянам К.Н. Леонтьева разделяли многие, например, К.Ф. Головин и В.П. Мещерский. Еще в 1867 г., во время московской этнографической выставки «действительность» родства России со славянами многими ставилась под сомнение. К.Ф. Головин, в числе прочей публики встречавший поезд со славянскими делегатами, иронизировал по их поводу: «Особенно неумытыми и некультурными выглядели южные турецкие «братушки»; и ровно никакого родства с нами не было видно на их загорелых, немытых лицах, с черными, малопричесанными волосами... Всех лучше были двое депутатов от совершенно независимых лужичан: так называемая „Матица“ прислала из „Будиссима“, как тогда было принято называть Бауцен, двух господ, именовавшихся г-н Дейчман и г-н Немец. Крепко сомневаюсь, не были ли попросту евреями эти природные славяне» (Головин, б.г.: 199).

Неоднозначными были и впечатления от «братьев-славян» у кн. В.П. Мещерского, почти десятилетие спустя посетившего Сербию: «в Белграде... я сразу получил холодную ванну, ибо убедился по впечатлениям, которые они на меня произвели, что и князь Милан, и митрополит Михаил, и знаменитый премьер Ристич — все это были более или менее искусные актеры, разыгрывавшие сообща комедию восстания и, в особенности, комедию эксплуатирования добродушной в своем энтузиазме России» (Мещерский, 2003). «Здесь так мало родственного, что, право, не знаешь, не любите ли вы Австрию настолько же, сколько нас. <...> Сербия слишком ничтожна, как духовный организм, чтобы понять, сколько величественного и великого в том участии России, которое проявлялось тогда, когда дипломатия вела переговоры» (Мещерский, 1877: 151–153). Таким образом, делал вывод В.П. Мещерский, «сербский патриот — не русский патриот... Русский является гораздо более сербом, чем серб Белграда» (Мещерский, 1877: 180).

«Сущность сербского и болгарского вопроса вовсе не в Фердинанде и Милане», — замечал В.А. Грингмут. Он приводил слова одного сербского чиновника: «Россия обязана освободить нас от азиатского ига и возвратить нам наше прежнее место в Европе, мы же впоследствии выразим России нашу благодарность тем же путем: мы и ей поможем войти в *нашу* европейскую цивилизацию» (Spectator, 1890: 374). «Лучшие из них любят Россию, искренне сокрушаясь об ее „варварстве“, и ненавидят Австрию, столь же искренне завидуя ее „цивилизации“. Любить же Россию за то, что она Россия, а не „Европа“, никто из них не может» (Spectator, 1890: 376–377). Автор приходил к выводу: «Такой народ, как сербский, столь близкий нам по языку и по вероисповеданию, совершенно чужд нам по духу, по своему характеру, по своему уму и направлению... То, что здесь пришлось сказать о сербах, применимо с небольшими изменениями и к другим южным и западным народам, так резко отличающимся от

народа русского своим сухим, мелким эгоизмом, своею корыстною расчетливостью, своими узкими низменными идеалами и своим неограниченным, доходящим до болезненности политическим и иным властолюбием» (Spectator, 1891: 395). Наиболее ярким противником славянофильского «национализма» был, конечно же, К.Н. Леонтьев. «Демократический европеизм, безверие, поругание Церкви — вот нынешняя жизнь „сюртучного“ сербского общества. В этом обществе нет и тени чего-нибудь стоящего внимания с культурно-национальной стороны» (Леонтьев, 1996: 561).

Отметим, что ничего нового в таких оценках не было. Еще граф Орлов во время Морейской экспедиции 1770 г. докладывал Екатерине II об освобождаемых балканских единоверцах: «Здесь народы лстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы к деньгам и добыче... Закон исповедуют едиными только устами, не имея ни слабого начертания в сердце добродетели христианския. Привыкши жизнь вести в распущенности, ненавидящие всякого порядка и не зная, каким способом приступить к оному, пребывают ежеминутно в смятении духа» (Теплов, 1882: 485).

Несколько менее известно, что в славянофильских кругах этот скепсис по отношению к «братушкам», в общем, разделяли. Еще в ноябре 1877 г. Ф.М. Достоевский предсказывал: «России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу» (Достоевский, 1995: 354–355). А.А. Киреев в своем дневнике за 4 ноября 1878 г. ссылается на очевидца: «Сербы, говорит Гильфердинг, те же поляки! Их так называемая «интеллигенция» совершенная гниль. Религиозности в них мало и уважения к духовенству никакого, они дурно *очень* обращались с митрополитом»³¹.

Славянофильская печать середины 1880-х гг. рисовала мрачную картину сербского общества того времени: «чиновничий элемент, довольный своим отличным жалованьем, отделился от народа самым грубым образом... Законы в пренебрежении, справедливость, личная и имущественная безопасность покупаются за деньги». В качестве примера низкой культуры напредняцкого чиновничества приводился немыслимый для России XIX в. эпизод: «Мита Ракич, начальник политического отделения министерства иностранных дел, тот самый, который на скупщине 1881 года так грубо поносил в своей речи Россию и превозносил Австрию, и Милан Ф. Христич, секретарь министерства иностранных дел... подрались в канцелярии министерства до крови, так что если бы их не развел сам Гарашанин, один из них пал бы мертвым» (Известия... 1884: 22).

Наибольшего внимания, конечно же, заслуживают не появлявшиеся в печати характеристики жившего в Сербии П.А. Кулаковского — который в своих письмах постоянно ругал «сербскую бесхарактерность и трусость»³² и «их умение эксплуатировать русского»³³. «В своё двухлетнее пребывание в Сербии я почти убедился, что для русской политики и для России всё равно, кто бы ни руководил делами Сербии: будут ли то предводители так называемой народно-либеральной партии (понимай — совсем не либеральной) или партии консервативной, которая с нежностью поглядыва-

31. ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Ед. 7. Л. 174об.

32. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 7.

33. ОР РНБ Ф. 377. Ед. 833. Л. 10б.

вает на Европу и так усердно следит, что говорит этот болтун Гамбетта, видя в его всяком слове мудрость неременную»³⁴.

Любопытна разница в характеристиках Кулаковским сербов, учившихся в России. На страницах «Русского вестника» он рисует их как носителей «более высокого чувства любви к родине» (Кулаковский, 1883: 762), в личной же переписке пишет совершенно противоположное: «Между воспитанниками русских университетов и академий — сербами — тут ни одного человека, которого можно было бы назвать ученым, образованным, скажу ближе — вполне честным человеком. Многие из учившихся в России жалуются, что им сербское правительство не дает мест, потому что они учились в России; — но право, ни одна страна, желающая себе добра, не дала бы подобным людям службы у себя. Всё это или круглые невежи, или какие-то ничтожные люди»³⁵. В качестве исключения Платон Андреевич называет учившихся в России военных — например, он характеризует как «весьма почтенную личность» Савву Груича. В целом же Кулаковский констатирует, что «сербы, учившиеся в России, не принесли с собою ни науки, ни характера» и называет две причины этого: во-первых, «нашу заботливость скорее воспитать как-нибудь серба, чтобы он спешил на родину дело делать», во-вторых — то, что сами «сербы посылали на Запад учиться — более способных, талантливых, не желая даром тратить деньги свои... в громадном большинстве сплавлялось в Россию все, исключенное, или признанное негодным для Европы или сербских школ»³⁶.

Недоверие Кулаковского вызывали даже такие сторонники России, как Й. Ристич и митрополит Михаил: «Следует хорошо знать, что Ристич — лишь случайный сторонник России, но что он во власти лишь искал способов обмануть Россию... Митрополит — очень большой интриган и человек партии Ристича³⁷...» «Сам митрополит часто лишь игрушка в руках Ристича и действительно бесхарактерен»³⁸. «Он, труся, постоянно старается вмешаться и в политическую интригу и делает это уж очень трусливо, тайно. Ристич пользуется им и сует его всюду весьма старательно, но сам же прячется, лишь только видит, что могут привлечь к ответу»³⁹.

Следствием вышеизложенного был вывод о том, что «из-за пошлой сербской интеллигенции не следует тратить русских средств и русской крови»⁴⁰. Здесь мы позволим себе не согласиться с С.И. Данченко, видевшей ошибку П.А. Кулаковского в том, что, зная о русофильстве представителей радикальной и либеральной партий, «он не видит разницы в отношении к России различных групп сербской интеллигенции» (Данченко, 1989: 56). В употреблявшейся славянофилами терминологии «интеллигенцией» называли только городскую вестернизированную часть образованного класса. Их тяготение к западному комфорту в глазах русских дворян выглядело вульгарным «мещанством во дворянстве» и было — опять же с точки зрения славянофилов — на-

34. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 8.

35. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 7.

36. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 8.

37. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 280б.

38. Ор ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 220б.

39. Ор ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 23.

40. Ор ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. 290б.

рушением органической связи с национальной «почвой». Как только под действием тех или иных сильных эмоций данная связь восстанавливалась, «пошлая интеллигентность» исчезала даже у самых образованных людей.

Происходило это прежде всего при возникновении внешней угрозы: «В этом сознании опасности, грозящей сербам от Австрии, как в горниле найдут свое очищение все комичные стороны сербского радикализма: так нужно — по крайней мере — надеяться»⁴¹. Однако источником русофильства мог быть не только страх. Так, например, воодушевленный данным в его честь банкетом Кулаковский описывает ситуацию, знакомую почти всякому оказавшемуся в Сербии русскому: «Нужно много усилий над собою всякому славянину, чтобы превратиться в европейского раба. А лишь покопается он в себе и даст волю своей душе — воскресает старая мощь и сила искренних и глубоких связей с нами. Нужно видеть, как толпа в 300–400 человек, состоящая и из писателей и чиновников — интеллигенции, и из сапожников и торговцев — малограмотных, электризуется при имени России и русского»⁴². К «пошлой интеллигенции» П.А. Кулаковский, как и другие славянофилы, очевидно, не причислял военных и сельское население. Так, он упоминает «народных учителей», которые «действительно принадлежат к числу тех недоумков-радикалов, образцы которых у нас так часты, — но теперь здесь они представляют здоровый элемент народности и изо всех сил проповедуют о спасении сербской народности от Австрии»⁴³.

Особую позицию по отношению к Сербии занимал Н.П. Гиляров-Платонов. Близкий к славянофилам, этот переквалифицировавшийся из богослова в журналисты «неопознанный гений» в какой-то степени действительно является уникальной фигурой для общественной жизни той поры. Несмотря на отмечавшуюся современниками «бесцветность» своих взглядов, Гиляров полностью не принадлежал ни к одному из идейных лагерей — в его текстах находили отражение многие расхожие идеи того времени. Гиляров-Платонов отрицал «славянофильский» принцип «лингвистической народности» (Возвращение... 2007: 248) и считал, что назвать Россию «славянской державой» — то же самое, что и «почтить венгров названием вогульская держава... Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежит мировое значение и мировое будущее, не славянам» (Возвращение... 2007: 258). Признавая «цементом, нас связывающим с восточными славянами» — не столько историческое православие, сколько «задатки, в нём лежащие» (Возвращение... 2007: 260), Гиляров называл стремление России овладеть Константинополем — «чувством лакея, мечтающего поспать в постели барина» (Возвращение... 2007: 262).

Руководствоваться в балканской политике следовало «русским духом, этой народностью *suis generis*, в которой каждый плебей, каждый раб человечества слышит брата» (Возвращение... 2007: 265). Между прочим, сравнивая католичество с исламом, публицист проводил прямую аналогию между русским панславизмом и западным «антипапским» движением: «Мы занимаем то место на Востоке против восточного Рима магометанского, какое цивилизация занимает на Западе против западного Рима

41. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 190. Л. 2–20б.

42. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 191. Л. 2.

43. ОР РНБ. Ф. 14. Ед. 191. Л. 20б.

католического»⁴⁴. Венцом же прогресса публицист считал будущее «расцентрование человечества... все общественные функции получают свои центры, не совпадающие с государствами, которые сами превратятся, сузясь в своей функции, в учреждения, параллельные другим» (Возвращение... 2007: 250).

Взгляды Н.П. Гилярова-Платонова можно классифицировать как либеральные — однако лишенные того преклонения перед внешними формами западных порядков, которое традиционно свойственно большинству российских либералов. В этой связи представляет интерес письмо Н.П. Гилярова-Платонова к сербскому митрополиту Михаилу, написанное в 1878 г. и опубликованное С.Ф. Шараповым в «Русском труде» в 1898 г.

Прежде всего Гиляров в своём послании опровергал утверждения о стремлении России к экспансии на Балканах и подчинению Сербии: «Как бы ни „обрусел“ ваш народ, никогда Россия не посягнет на его независимость»⁴⁵. Как и во многом другом, в этой уверенности Никита Петрович не был оригинален — о необходимости предоставить балканским славянам возможность свободного развития много писали не только либералы и славянофилы, но и М.Н. Катков⁴⁶. Как и большинство русских публицистов того времени, Гиляров-Платонов указывал на опасность австрийского влияния: «подчинение Сербии австрийскому скипетру или даже влиянию есть потеря национальности, потеря всякой национальности...». В качестве средства «от этого паука, который уже расставил цепкие лапы» он предлагал максимально расширить экономические и культурные связи между двумя народами — например, почаще отправлять сербскую молодежь путешествовать по России⁴⁷.

В ответном письме митрополит резонно отмечал, что для этого необходима прежде всего добрая воля самой России: «Нужно сделать некоторые облегчения относительно паспортов и торгового закона. Тогда явятся к вам и ученые, и купцы, и художники, и простые путешественники». Благодаря Н.П. Гилярова-Платонова за «дружеские сообщения и истинно братские советы», вл. Михаил указывал на то, что «здесь в высших сферах образовалось было мнение, что во-первых, в России ничему нельзя научиться, во-вторых, что там молодые люди заражаются нигилизмом, болезнью, которая отравляет государственный организм»⁴⁸.

Ответ владыки Михаила был кратким — как, впрочем, и большинство его писем русским деятелям. Преобладали в них, конечно же, изъявления благодарности. «Наши дела, кажется, будут иметь лучший конец, коль скоро братья наши русские берут их в свои мощные руки», — радуется митрополит в письме от 1876 г. к Т.И. Филиппову, выражая также свою признательность: «Мы очень благодарны и обязаны Слав.<янского> Комитету Вашему за пособие, которым помогаете нашим здесь словом и делом»⁴⁹. В 1878 г. в письме к М.Н. Каткову митрополит выражает публицисту «сердечную свою к Вам благодарность за любовь, которую оказываете нам и в газете

44. Цит. по: Шарапов, 1903: 39.

45. Русский труд. 1898. № 1. 3.01.

46. Московские ведомости. 1876. № 105. 13 мая.

47. Русский труд. 1898. №1. 3.01.

48. ОР РНБ. Ф. 847. Ед. 659. Л. 10б.

49. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 2199. Л. 62.

своей, и своим участием и содействием»⁵⁰. Точно так же краток ответ вл. Михаила С.О. Бурачку — консервативному публицисту старшего поколения, направившего митрополиту «на общее обсуждение» с М.Г. Черняевым обширное послание «о близости наступающего обращения измаильтян и израильтян к Православию»⁵¹. Помимо обычных вежливых формулировок сербский митрополит отмечал, что «начать дело деятельнее относительно обращения турок в православие» возможно будет лишь тогда, когда православные «христиане получают хоть малейшую часть свободы»⁵².

Значительно подробнее и обстоятельнее письма вл. Михаила к Т.И. Филиппову — в них обсуждалась по преимуществу околоцерковная проблематика, к тому же во многом лично затрагивавшая митрополита: обстоятельства его отставки и греко-болгарский церковный раскол (русскому читателю знакомый по публицистике К.Н. Леонтьева). Объединяла двух деятелей убежденность в необходимости созыва нового Вселенского собора: «У нас так пошло все в пагубу православию, в Румынии не ладно, в Греции тоже взяла все в свои руки светская власть, в Болгарии уже известна неурядица, в Сербии австрийская неурядица, в Боснии и Герцеговине иезуиты обижают, в Азии, Африке и Турции суматоха, у Вас сохраняется внешний вид, церковного управления, но нужно всё исправить и вдохнуть жизнь... Собор очень нужен. Но где же делать его? В Царьграде или Москве — где угодно, только давайте Собора, чтобы православные еще могли видеть друг друга и совместными силами и мудростью защитить святыни»⁵³.

Связывая свою отставку с австрийскими происками⁵⁴, вл. Михаил видел в усилившемся вмешательстве государства в духовные дела и мировую тенденцию: «Недоумеваю, отчего так враждуют правительства церкви? Чего-то боятся и хочется им быть и жрецами всех. Послушали фразу — не может быть государство в государстве. Бисмарк сказал сие и все пошли за ним без рассуждения. А тут подошел материализм, безверие и неуважение к святыне, дух погряз в болото, человек от обезьяны толкуют мальчишкам, срамя попов за выдумку Бога, и сим уже открывают дорогу всякой мерзости»⁵⁵. «Положение тяжелое, испорченность великая, соблазны вреднейшие», — подводил он в 1888 г. итог своим размышлениям о положении сербского общества и Церкви⁵⁶.

Таким образом, русско-сербские отношения в глазах общественных деятелей обеих стран были тесно связаны с внутривосполитической проблематикой. Показательно, что наибольшего взаимопонимания русские панслависты достигли именно с сербскими радикалами. В целом взаимоотношения славянофилов и радикалов представляются крайне важным сюжетом, позволяющим глубже понять сущность славянофильства. Подробно разобранный в работах А.Л. Шемякина (Шемякин, 2010) программа сербского радикализма по сути представляла собой сбывшуюся славянофильскую уто-

50. РГАЛИ. Ф. 262. Оп. 3. Ед. 10. Л. 106.

51. ОР ИРЛИ. Ф. 34. Ед. 37. Л. 1.

52. ОР ИРЛИ. Ф. 34. Ед. 141. Л. 1.

53. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. 2199. Л. 20.

54. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. 2199. Л. 1506.

55. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. 2199. Л. 15.

56. ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. 2199. Л. 4706.

пию. Сам лидер радикалов Никола Пашич в 1887 г. уверял русские власти в том, «наша партия имеет сходство с русско-славянскою партией, которую Запад также окрестил именем радикальной» (Шемякин, 1994: 112–113). Однако куда больше, чем интерес Пашича к «бессмертному русскому писателю Данилевскому», сближал радикалов и славянофилов их демократизм — «народническая доктрина, главным социальным стержнем которой являлся эгалитаризм» (Шемякин, 1994: 109). У славянофилов этот эгалитаризм выразился в так полюбившейся О.Ф. Миллеру фразе И.С. Аксакова: «Мы русские не рыцари — мы сам народ, мы plebs»⁵⁷. Не случайно К.Ф. Головин отмечал в своих воспоминаниях: «Наше сочувствие к единоверцам, в сущности, ни во что не верующими, было с одной стороны подогрето истинными славянофилами и певшими с ними в унисон шалыми дамами, а с другой — революционными поползновениями, всегда готовыми присоединиться к любому восстанию... Революционный черт пользовался им, показывая даже в иной час свое свиное копыто» (Головин, б.г.: 296, 299).

На это распространенное обвинение резко возражал А.А. Киреев: «Восстания славян против турок нельзя уподоблять революции нигилистического характера; ведь поэтому и Дмитрий Донской, и Александр Тверской, и Иоанн III должны попасть в революционеры! Разве ханы Золотой Орды не были нашими законными владыками? Разве владычество их не было освящено временем, не было торжественно признано князьями?» (Известия... 1883: 13) Однако для большинства славянофилов и близких к ним деятелей связь славянского вопроса с процессом демократизации русского общества была очевидна.

При этом, поскольку внутренние дела империи не могли вполне свободно обсуждаться на страницах отечественной печати, восточный вопрос на протяжении десятилетий был удобным поводом поднимать и внутриполитическую проблематику. Так, И.В. Ламанский еще в 1860-х гг. писал И.С. Аксакову: «Общение наше со славянами считаю одной из главнейших задач наших. Оно не только находится в тесной связи с крестьянским вопросом — оно есть одна сторона его»⁵⁸. «Сербское дело во многих отношениях имеет важность для России», — в 1869 г. внушал в.кн. Александру Александровичу К.П. Победоносцев (Письма... 1925: 9).

В 1880-е гг. сербы становятся для русских монархистов отрицательным примером. Кулаковский считал, что «все теперешние дела сербские — могут служить ярким доказательством нашим либералам бессмысленности конституционных учреждений, перенесенных на славянскую почву»⁵⁹. Правда, при этом он возмущался тем, что «Московские ведомости» удаляли из его корреспонденций посвященные этим учреждениям фрагменты: «При всем моем уважении к М.Н. Каткову, я должен сказать, что его страх пред всяким словом, где говорится о свободе печати, о свободном развитии самоуправления — даже в Сербии, — вполне неуместен»⁶⁰. Однако набравший силу процесс демократизации русского общества, объективно связанный с подъемом националистических настроений (Геллнер, 1991: 108), делал сербский вопрос неотъемлемой частью поиска национальной идеологии последней четверти XIX в. Об этом,

57. Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 9. С. 183.

58. ОР РГБ. Ф. ГАИСП. К. 16. Ед. хр. 1. Л. 18.

59. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 290б.

60. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 44. Л. 10.

в частности, писал Кулаковскому А.А. Киреев. С его точки зрения, «120-миллионная масса» русских без славян, «сама по себе ничего не стоит, пока она не одухотворена», она «как таковая не представляет никакого этического значения»⁶¹. Нетрудно догадаться, что Сербии в этой схеме отводилась роль, не вполне отвечавшая самолюбию сербской национальной интеллигенции. Закономерно было и недоверие её наиболее образованной части к подобному альтруизму.

Литература

- [Аксаков И.С.]. (1896). Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. 4: Письма к М.Ф. Раевскому, к А.Ф. Тютчевой, к графине А.Д. Блудовой, к Н.И. Костомарову, к Н.П. Гилярову-Платонову. 1858–1886 гг. Санкт-Петербург: Издание Императорской публичной библиотеки.
- Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова. (2007). Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т.
- Геллнер Э. (1991). Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. Москва: Прогресс.
- Головин К.Ф. (б.г.). Мои воспоминания за 35 лет. Санкт-Петербург: Т-во М.О. Вольф.
- Данченко С.И. (1989). Русско-сербские общественные связи. 70–80-е гг. XIX в. Москва: Наука.
- Достоевский Ф.М. (1995). Собрание сочинений: в 15 тт. Т. 14. Санкт-Петербург: Наука.
- Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1883. № 1.
- Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 8.
- К вопросу о положении сербской Церкви (Перепечатка из «Востока», № 1, 1885) // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 1.
- Клоппенбург А. (1894). Страница из истории восточного вопроса // Русское обозрение. 1894. № 1.
- Кулаковский П.А. (1883). Сербия в последние годы // Русский вестник. Т. 164. С. 738–765.
- Лантева Л.П. (1998). Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: история и современность. Москва: ИСБ. С. 111–125.
- Леонтьев К.Н. (1996). Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Москва: Республика. С. 534–566.
- Меицкерский В.П. (1877). Правда о Сербии. Санкт-Петербург: Типография Оболенского.
- Меицкерский В.П. (2003). Воспоминания. Москва: Захаров.
- НД [Дурново Н.Н.]. (1890). Государства и народы Балканского полуострова, их прошлое, настоящее и будущее и Болгарская кривда. Москва: Тип. Лессенера и Романа.
- Неведенский С.М. (1888). Н. Катков и его время. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина.
- Пархоменко Д.В. (2008). Внешнеполитические аспекты процесса модернизации Сербии 80-х гг. XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань.
- Письма К.П. Победоносцева к Александру III: в 2 тт. Т. 1. (1925). Москва: Новая Москва.
- Теплов В. (1882). Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам // Русский вестник. Т. 159. С. 379–444.

61. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. 50. Л. 210б.

- Хевролина В.М. (1999) Власть и общество: борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. Москва: Ин-т российской истории.
- Шарапов С.Ф. (1903). Неопознанный гений. Москва: Типография А.В. Васильева.
- Шарый А., Шимов Я. (2011) Корни и корона: очерки об Австро-Венгрии. Москва: Колибри.
- Шемякин А.Л. (1994). Обзор деятельности сербской оппозиции. Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву. 1887 // Исторический архив. 1994. № 5. С. 108–135.
- Шемякин А.Л. (1997). Сербский митрополит Михаил: годы изгнания (1883–1889) // Церковь в истории славянских народов. Москва: Ин-т славяноведения и балканистики. С. 259–273.
- Шемякин А.Л. (1998). Идеология Николы Пашича: формирование и эволюция (1868–1891). Москва: Индрик.
- Шемякин А.Л. (2002). Митрополит Михаил в эмиграции (вместе с Николой Пашичем против Милана Обреновича) // Славянский альманах. 2002. С. 112–129.
- Шемякин А.Л. (2006). Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // Tokovi istorije. 2006. № 1–2. С. 7–28.
- Шемякин А.Л. (2010). Идеология сербского радикализма (1885–1903 гг.): историографические стереотипы и дилеммы // Россия и Сербия глазами историков двух стран. Санкт-Петербург: Алетейя. С. 143–164.
- Spectator* [Грингмут В.А.]. (1890). Наши братья // Русское обозрение. 1890. № 7.
- Spectator* [Грингмут В.А.]. (1891). Сербские скандалы // Русское обозрение. 1891. № 3.